Зимбули А.Е.

Типология учёных: этические ракурсы. Подступ к теме

*Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-287

Учёный – специалист в какой-нибудь области науки.

Толковый Словарь Русского Языка

Учёный должен быть рыцарем истины, а не сектантом, не гернгутером, не раскольником.

В.Г.Белинский

Часто некоторые люди становятся учёными, так же как другие – солдатами, только потому, что они больше ни к какому делу не пригодны.

Лихтенберг Г.К.

Мне не нужно учёных голов, мне нужно верноподданных.

Николай I

Аннотация

Науку, одну из важнейших сфер культуры, создают представители особой профессиональной общности, учёные. Это – специалисты, которые не просто получили систематизированные знания в определённой области, но и продолжают заниматься поиском, осмыслением, систематизацией объективных знаний о действительности в целях содействовать дальнейшему развитию этой действительности. Особый ракурс на то, какие в науке объективно складываются взаимоотношения, существует у этики. В её рамках удастся всмотреться в типологию учёных, исходя из структуры научной деятельности: *МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ*. В статье предложен этический анализ разнообразия учёных на основе понимания указанных компонентов. Выводы из анализа таковы: перечисленные этически значимые компоненты научной деятельности дают возможность обозначить на каждом из указанных компонентов множественность типов людей, занимающихся наукой. Становится реальным получить целостную картину, и дать возможность учёным совмещать саморазвитие с совершенствованием всей мировой культуры.

Ключевые слова: наука, учёный, структура научной деятельности, этический анализ.

Abstract

Science, one of the most important spheres of culture, is created by representatives of a special professional community, scientists. These are specialists who not only received systematized knowledge in a certain area, but also continue to search, comprehend, systematize objective knowledge about reality in order to contribute to the further development of this reality. Ethics has a special perspective on what kind of relationships are objectively developing in science. Within its framework, it will be possible to peer at the typology of scientists, based on the structure of scientific activity: *MOTIVE, PURPOSE, CONTEXT, INSTRUMENT, STRENGTH, RESULT, ATTITUDE*. The article proposes an ethical analysis of the diversity of scientists based on the understanding of these components. The conclusions from the analysis are as follows: the listed ethically significant components of scientific activity make it possible to designate a plurality of types of people engaged in science on each of these components. The conclusions based on the analysis are as follows: the listed ethically significant components of scientific activity make it possible to designate a plurality of types of people engaged in science on each of these components. It becomes real to get a holistic picture, and to enable scientists to combine self-development with the improvement of the entire world culture.

Keywords: science, scientist, structure of scientific activity, ethical analysis.

Человека иной раз небезосновательно называют «зоос математикос» (животным-наукотворящим) [см., напр., 8, С. 171]. С другой стороны, разве не очевидно, что сам человек оказывается продуктом – не только стихийных природных обстоятельств, но также самых разных социокультурных процессов, в той или иной степени сознательно организуемых – в семье, в школе, на рынке, при просмотре телеканалов, в политической сфере, в мире искусства. То есть как ни посмотри, обязательно становится очевидной значимость того, что именуется наукой – «разумного и связного знания» [11, С. 488], а также, само собой, – тех, кто её создаёт, работников умственного труда. Естественный ход истории, неуклонное совершенствование разделения труда привели к выделению особой профессиональной общности, в русском языке именуемой «учёными». Учёные – это специалисты, которые не просто получили систематизированные знания в определённой области, но и продолжают в этой области добывать, «раскладывать по полочкам» новые знания. Можно сказать, что наука – это сфера жизни, в которой профессионалы заняты поиском, осмыслением, систематизацией объективных знаний о действительности в целях содействовать дальнейшему развитию этой действительности. Естественно при этом, что далеко не всегда подобное содействие нужно понимать буквально: врач призван прилагать силы к тому, чтобы не развивались бактерии, но укреплялось здоровье человека, юрист всматривается в логику злоумышленника – чтобы защищать от этой логики законопослушных граждан, филологи изучают языковые ошибки – чтобы помогать обычным людям приобщиться к богатствам-красоте устной и письменной речи.

Более того, даже эту культуротворческую миссию вовсе не факт, что дружно и безоговорочно принимают на себя все учёные. Альберт Эйнштейн в своей известной речи о храме науки подмечал, что если бы из этого храма удалили всех гордецов и узких прагматиков, он бы катастрофически опустел [30]. Ну – насчёт «катастрофичности» лично я утверждать ничего бы не стал, поскольку не имею соответствующей статистики. Однако и мой опыт общения в науке подарил мне изрядную коллекцию фактов самой разной непорядочности собратьев по научному цеху. Сошлюсь здесь только на один-единственный давний сюжет.

Собирал я тогда материал для кандидатской. Копировальная техника была в редкость, и читатели Российской национальной библиотеки привычно стояли в очереди к ксерокопировальному участку, чтобы разжиться копиями нужных страниц. Так вот, в тот конкретный раз я отстоял в очереди только для того, чтобы скопировать в двух экземплярах встреченный и совпавший четырёхстраничный текст двух разных авторов, изданный в двух разных городах. Скопировал – и послал по почте обоим авторам, пусть разбираются. Когда с грустью рассказал об этом инциденте старшему коллеге Валерию Сухову, он допустил, что эти два горе-автора могли «передрать» текст ещё у кого-то... Причём ведь ясно: плагиат – это только один из возможных исследовательских грехов; более полный их перечень, надеюсь, будет выработан и систематизирован совместными усилиями тех, кто заинтересован в судьбах настоящей науки. Подчеркну: настоящей. Которая должна быть строго отграничена от многочисленных подделок.

Про что только не пишутся книги и не произносятся доклады: алхимия, астрология, вампиризм, гадание, заклинания, колдовство, левитация, лозоискательство, магия, медитация, оккультизм, полтергейст, привороты, талисманы, телепортация, телепатия, толкование снов, уфология, хилерство, хиромантия, эзотерика, экстрасенсорика, ясновидение. Я никаких паранормальных явлений и сверхъестественных способностей не пропустил? Но перечислялись-то они лишь для того, чтобы чётко обозначить задачу нынешнего рассуждения – не гадание на кофейной гуще и не полемика с псевдонаукой. Пусть честно чокнутые общаются с шустрыми шарлатанами – кстати, для серьёзной науки их общение тоже будет предметом осмысления. Как предметом самого тщательного изучения должны выступать

невежество и мракобесие. Должны, конечно же, стать предметом осмысления науки и разновариантные псевдоучёные. Доводилось мне читать про то, что научную степень приобретают себе не очень чистые на руку англичане, россияне, украинцы. И сегодня можно в интернете увидеть открытые адреса подобных услуг. Диву даюсь, почему эти безобразия не пресекаются. Почему кто-то из сегодняшних митрофанушек именует себя «профессором», кто-то – «деканом». Так или иначе, данные вопросы пускай решают правоведы и патопсихологи. Мне же в предлагаемом рассуждении упор хотелось сделать не на юридических, не на коммерческих, а на этических ракурсах. Это – тоже довольно интересная тема. Она интересна даже без обращения к вопросам о том, кто насколько гениален / бездарен (или *бесцветен*, как иногда говорил мой университетский учитель, профессор В.Г.Иванов). Интересна она уже тем, что то и дело встречаются противоречивые высказывания о роли учёных в судьбах культуры, о взаимоотношениях науки и морали.

«Я не считаю, что наука может учить людей морали» (А.Эйнштейн) [31, С. 163].

«Наука не выигрывает от примеси этики» (Б.Рассел) [23, С. 67].

«Не наука лежит в основании этики, а этика – в основании науки» (академик А.Д.Александров) [2].

И.Г.Фихте – посвящает специальную лекцию теме «О назначении учёного», и приходит к выводу о том, что принадлежать учёному сословию – высокая честь, и это сословие должно помогать обществу себя совершенствовать [27, С. 41 – 52].

Можно было бы множить примеры. А ещё лучше – всё же для начала обратиться к истории. Например, заглянуть в Библию. В ней – на удивление – слово «учёный» вообще встречается лишь однажды (!): «И послал я <Артаксеркс> позвать Елиезера, Ариэла, Шемаию, и Элнафана, и Иарива, и Элнафана, и Нафана, и Захарию, и Мешуллама – главных, и Иоярива и Элнафана – ученых» [Езд. 8: 16]. Несколько десятков раз упоминаются в разных падежах слова «учитель», «учителя». Но согласимся: «учитель», даже в далёкие ветхозаветные времена, – это вовсе не то же, что «учёный». Это – отдельная тема. Сейчас говорим про учёных.

У Аристотеля, основателя философской науки этики, в основном этическом труде «Никомаховой этике» об учёном речь самым кратким образом заходит лишь в одном конкретном контексте, когда мыслитель говорит о возникновении дружбы для пользы: дескать, бедный тянется к богатому, неуч – к учёному [4, С. 232]. Будь у Аристотеля более дробные задачи в его тогдашних рассуждениях, он бы обязательно детализировал свои объяснения, и уточнил, какие ещё бывают взаимоотношения у неуча с учёным, у учёных и у людей влиятельных, а также среди самих учёных.

У Августина учёный представлен уже более жизненно и разносторонне. Учёному могут быть свойственны ревность и зависть [1, С. 62 – 63], есть учёные, имеющие громкую славу [там же, С. 116], а есть те, которые просто считаются учёными, и уже от этого раздуваются от гордости [там же, С. 120]. Главное же, из чего исходит Августин – то, что учёного делает блаженнее не наука, а познание Бога [там же, С. 126 – 127]. Кроме того, есть вопросы, которые даже учёным неподвластны. Например, природа времени [там же, С. 299 – 300].

Мишель Монтень дополняет наблюдения за людьми учёными, в частности, следующим образом. Упоминает Диодора Диалектика, который умер во время учёного спора, испытав «жгучий стыд перед своими учениками и окружающими, не сумев отразить выставленный против него аргумент». Причём характерно, что называет Монтень этот случай «примечательным свидетельством человеческой суетности» [18, Т. 1, С. 14]. И добавляет такое признание: «Что до меня, то я не слишком подвержен подобным неистовствам страсти. Меня не так-то легко увлечь – такова уж моя природа; к тому же, благодаря постоянному размышлению, я с каждым днём всё более черствую и закаляюсь» [Там же]. Умел М.Монтень как бы вскользь, между делом, задеть то одну, то другую сюжетную линию, которая выводит на чрезвычайно щедрую смыслами

почву. Но поскольку сейчас рассуждение разворачивается не об идентификации нравственного субъекта, не о правоте и сопричастности, не будем в этот раз здесь задерживаться. «*”Fortis imaginatio generat casum”* (Сильное воображение порождает событие) – говорят учёные», констатирует мыслитель [там же, С. 103]. Здесь, стало быть, авторитет предшественников вполне его устраивает, и отталкиваясь от этого признания, мыслитель разворачивает собственные размышления страниц на пятнадцать. Сообщает нам автор о таких людях, «учённость которых заключена в их роскошных библиотеках» [там же, С. 150]. В наши дни роль такой библиотеки всё чаще играют электронные ресурсы. Следующее наблюдение стоит того, чтобы лишь ради него открыть том «Опытов»: «И если можно быть учёным чужою учёностью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью» [там же, С. 151]. На следующей странице упоминает автор таких учёных мужей, «кого наука как бы оглушила, стукнув по черепу» [там же, С. 152], по-русски их можно было бы назвать «заучками», «зубрилами». Очередное интересное наблюдение звучит так: «Встретив дурно обутого человека, мы говорим себе: неудивительно, если это сапожник. Равным образом, как указывает нам опыт, нередко бывает, что врач менее, чем всякий другой, печётся о врачевании своих недугов, теолог – о самоусовершенствовании, а учёный – о подлинных знаниях» [там же, С. 155]. А вот как злободневно выглядит ещё одно наблюдение: «Непонятное изложение, к которому прибегают ученые, это тот же прием, который применяют фокусники, чтобы скрыть ничтожество своего искусства, прием, на который легко попадает человеческая глупость» [18, Т.2, С. 191]. Пишет Монтень и о таком явлении, как «болезненная любознательность», подчёркивая, что предмет научного интереса не должен бы чересчур отрывать учёного от жизни, буквально поработая его. [там же, С. 195], а также о присущем некоторым учёным чванству [там же, С. 366], о склонности произносить невпопад высокопарные речи, выставляя напоказ собственную образованность [18, Т.3, С. 43 – 44]. Автор прямо нам заявляет, что подобную учёность ненавидит «даже несколько больше, чем полное невежество» [там же, С. 170].

Ясно, что история любого вопроса важна, и изучать её можно бесконечно. Но опять напомним: задача данного текста – всмотреться в этические ракурсы темы. А это целесообразно делать, не уходя чересчур в исторические подробности, но фокусируя внимание на ключевых содержательных ракурсах. Ведь даже они – весьма динамичны. Второго дня хотел уточнить, какие существуют официально утверждённые философские специальности. Я когда-то получал образование и потом продолжал диссертационно работать по специальности «09.00.05 – Этика». В обнаруженном самом свежем списке не оказалось номеров 09.00.02 (научный коммунизм), 09.00.06 (научный атеизм), 09.00.09 (прикладная социология), 09.00.10 (философия политики), 09.00.12 (философия права). А ведь в соответствии с этими номерами, насколько можно догадываться, долгое время проводились исследования, защищались диссертации, устраивались конференции. Зато буквально на днях (6 апреля) обнародован Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» [22]. В этом Приказе нумерация специальностей, утверждённых к защите диссертаций, даётся без прорех. Но уже чуть по-другому принципу: 5.7.1 – онтология и теория познания, 5.7.2 – история философии, 5.7.3 – эстетика, 5.7.4 – этика, 5.7.5 – логика, 5.7.6 – философия науки и техники, 5.7.7 – социальная и политическая философия, 5.7.8 – философская антропология, философия культуры, 5.7.9 – философия религии и религиоведение [там же]. Можно только догадываться, какие ведутся споры, какие приискиваются аргументы – когда,

например, логика в списке выделяется в отдельную строчку, а философская антропология и философия культуры – объединяются под одним номером. Так или иначе, принципы систематизации наук и нумерации утверждённых специальностей – оставим специалистам управления наукой, образованием, народным хозяйством. Обратим, как уже заявлялось, внимание на этических аспектах научной жизни. Этических – значит речь пойдёт про то, как ведутся научные исследования, как учёные общаются между собой, как выстраиваются взаимоотношения науки и других сфер жизни, насколько всё это происходит честно / нечестно, гуманно / негуманно, тактично / бесцеремонно, справедливо / несправедливо, дружно / враждебно, свободно / принудительно, откровенно / скрытно, патриотично / изменнически, бескорыстно / продажно.

Насчёт бескорыстия / продажности – ещё один конкретный жизненный сюжет. Довелось мне несколько лет назад принять участие в работе международной конференции, которая проходила в Братиславе. Работа шла интересно, взаимопользительно. Но один эпизод меня как-то особенно поразил. Подводятся итоги конференции. Слово получает директор Братиславского университета. И он, краснея, заикаясь от заискивания перед европейскими организаторами, выражает надежду, что сотрудничество продолжится. Смотреть на этого человека было жалко и стыдно. Но это – тоже наука. Ганс Селье написал замечательную книгу «От мечты – к открытию», в подробностях раскрывающую путь в большую и сложную науку честного искателя истины. Было бы логично, если бы была написана целая серия книг – показывающая варианты вхождения в мир науки не только человека честного, бескорыстного, упорного, но и самого разного рода проходимцев. Ищущих чего угодно: власти, известности, богатства. И попутно – то ли наносящих настоящей науке вред, то ли оказывающих ей объективное содействие. Вспоминается давным-давно смотренный фильм «Чудо в Ломбоше», венгерский. Главный герой картины – жулик, наподобие нашего Остапа Бендера. У него даже жизненный девиз был открыто захребетнический: «Жизнь подобна тройному сальто. Надо только, чтобы первые два за тебя сделал кто-то другой». Насколько помнится, по сюжету герой сумел реально организовать и санаторий, и выпуск целебной воды – помог тем самым двум заинтересованным группам местных жителей, до того проводившим время в бесконечных спорах. То есть – жулик сумел осуществить значимое общественно-полезное дело. Рассказывали, что при Сталине какой-то инициатор от науки сумел развернуть большую государственную программу по изучению долголетия. Но умер, сам едва-едва прожив 65 лет. Реакция Сталина, узнавшего о его смерти, выразилась в словах: «Всех надул!». Видимо, абсолютно обезопасить себя от разного рода авантюристов в науке – задача едва ли выполнимая. Но учитывать основные опасности, конечно же, нужно – и учёным, и хозяйственникам, и политикам, и работникам правоохранительных органов.

Очевидно, и наука бывает разная, и учёные должны быть разные. Объективные функции науки продиктованы её местом в общественном разделении труда. Это прежде всего *описание, объяснение, предсказание*, в самых разных сферах жизни: медицине, экономике, строительстве, сельском хозяйстве, в образовании, торговле, в ремёслах. И значит, везде при организации научного труда требуются организаторы, исполнители, систематизаторы, экспериментаторы, пропагандисты. Контролёры. «Ретрансляторы». Люди, способные дать требующийся по ситуации ответ, и плюс – «вопрошатели», умеющие задать смыслообогащающий вопрос. Причём беда подстерегает нас и в случае нехватки, и в случае перебора с каким бы то ни было конкретным типом учёных. Так, иногда бывает трудно отделаться от мнения, что сегодня у нас чересчур много организаторов, менеджеров, контролёров. Вроchem, много или мало – это вопрос не этики. Этика призвана всматриваться в то, какие объективно складываются внутри и вокруг науки взаимоотношения, плюс – пытаться распознать объективные социокультурные требования к нравственному облику конкретных типов учёных.

Очевидно, как существуют разновидности профессиональной этики для разных видов труда, так же должны существовать разновидности профессиональной этики для людей, занимающихся различными видами научной деятельности. Между нравственными требованиями к библиотекарю и футбольному вратарю, продавцу булочной – и стоматологу, работнику заправочной станции – и нянечке в детском саду различий не меньше, чем к обычному аспиранту – и члену диссертационного совета, рядовому докладчику на вузовской конференции – и члену Высшей аттестационной комиссии. Даже простенькая полушутливая иллюстрация из книги «Физики смеются» [26, С. 225] зримо подтвердит это:

Так что попробуем всмотреться в типологию учёных – не отталкиваясь от умножающихся профессиональных различий, а, напротив, опираясь на типовую структуру научной деятельности. Таковую структуру можно представить следующим образом:

МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ.

Всмотримся хотя бы самым беглым образом в каждый из перечисленных компонентов.

МОТИВ – исходное внутреннее побуждение к действиям. Надо ли говорить, насколько разновариантны бывают внутренние переживания, побуждающие людей заниматься наукой: любознательность, надежда на успех, жажда славы, ориентация на уважение коллег. Кстати, об уважении. Уже упомянутый чуть выше Ганс Селье писал: «Ни один учёный, достойный этого звания, не измеряет свой успех количеством похваливших его людей» [24, С. 29]. Можно ли предположить, что с введением в обиход индекса Хирша из учёных хотят сделать людей, недостойных этого звания? Между прочим, можно по данному поводу вспомнить и очень древнее наблюдение Сенеки: «Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности» [3, С. 510]. И задаться вопросом: в чём состоит качественное отличие между просто толпой – и тем же индексом цитирования? Даже студенты-младшекурсники понимают глубинный смысл третьей заповеди Моисея, распространяющийся далеко за пределы мира иудеев и религиозности: «дорожи словами», «не упоминай попусту то, чем по-настоящему

дорожишь». Этому смыслу не очень-то отвечает легковесная мода на всякие рейтинги. А ещё применительно к данному компоненту не мешало бы задаться вопросом: чем мотивировали себя к занятиям наукой, скажем, Константин Эдуардович Циолковский, Сергей Павлович Королёв, Григорий Яковлевич Перельман? Правда, упомянув толпу – нужно бы ещё подумать, и сравнить зависимость от одобрения толпы с зависимостью от одобрения начальства. Или спонсора. Представляется, что с точки зрения этики при всей разновариантности мотивов предпочтительны *ИНТЕРЕС* к предмету, *ВЕРА* в собственное призвание, *УВАЖЕНИЕ* к окружающим. Тогда как в реальной жизни веер возможных типов, конечно же, широк, богат противоречиями: среди учёных, как и вообще среди людей, попадаются люди *бескорыстные* и *жадные*, *доброжелательные* и *завистливые*, *ответственные* и *безответственные*, *отзывчивые* и *злорадные*, *покладистые* и *придирчивые*, *оптимисты* и *пессимисты*, *гедонисты* и *аскеты*, *застенчивые* и *заносчивые*, *общительные* и *замкнутые*. Все эти и подобные им качества начинают проявляться уже на стадии Мотива.

ЦЕЛЬ – это мотив, прошедший стадию осмысления. Разумеется, для занятий наукой такой компонент, определяющий нравственно-ценностное содержание поведения, куда как значим и характерен. Хотя нужно сказать честно: даже для профессиональных учёных вовсе не факт, что вся исследовательская деятельность сплошь рассудочна. Да, человек – существо разумное. Но одно дело способность к осмыслению происходящего, к целенаправленной деятельности – и совсем другое дело сама эта целенаправленная деятельность. Могу признаться: выбор той или иной темы для очередной статьи лично у меня – происходит чаще всего совсем не планоно. Хотя лучше не буду о себе, а напомним о том, как решительный, судьбоносный поворот произошёл в жизни Альберта Швейцера. Молодой, энергичный, остепенённый человек долгое время пребывал в поисках, в настроениях самокритичных – а тут на глаза его попала газетная заметка, где сообщалось, что в Африке не хватает врачей. Что то роды принять некому, то первую простейшую помощь туземцы не в состоянии друг другу оказать. И эта конкретная случайно увиденная информация подтолкнула Швейцера к решению: нужно стать врачом, и отдавать многовековой долг европейцев африканцам. Так, казалось бы, совершенно непредвиденная ситуация – помогла молодому гуманитарии принять серьёзнейшее решение, и затем уже, когда он после получения медицинского образования уехал в Габон – цель его личного служения общечеловеческой культуре переплела в себе медицинскую, философскую, публицистическую стезю. Понятно, что вообще в науке цели бывают индивидуальными и групповыми, гуманными и разрушительными, явными и тайными, чисто научными, и иерархически в разной степени масштабными и позитивными. Одно дело – осуществить эксперимент или провести серию экспериментов, написать статью, диссертацию, монографию, разработать систему химических элементов, и совсем другое – опровергнуть рассуждения конкурента. Слышал, к сожалению, от честного и достойного человека, что высокопоставленная особа из Москвы ему открытым текстом заявила: «Пока я жива, диссертации Вам не защитить». Значит, и такие цели тоже нужно принимать во внимание. И то, что для кого-то научный интерес – это компас, а для другого – флюгер. Разве это секрет, что отсутствующие сегодня среди официально утверждённой номенклатуры специальности – «научный коммунизм», «научный атеизм» – когда-то были очень в ходу, и не исключая, что остепенённые по этим ветвям знания люди и по сейчас очень неплохо устроены в жизни. Но не буду про сейчас живущих. Два слова посвящу противоречивой личности Андрея Дмитриевича Сахарова. Он масштабно действовал и тогда, когда создавал водородную бомбу, и тогда, когда позднее призывал кару на нашу страну от политических оппонентов. Обобщим: с точки зрения *ЦЕЛЕЙ* научных работников нужно различать на *альтруистов* и *эгоистов*, *дальновидных стратегов* и *живущих близкими ситуативными интересами, созидателей и разрушителей*.

КОНТЕКСТ – совокупность обстоятельств, в которых происходит научная деятельность – разумеется, характеризуется чрезвычайным разнообразием. Главное здесь видовое отличие – способствуют ли внешние обстоятельства успешной деятельности учёного, или препятствуют ей. Пользуется ли работник умственного труда уважением, доверием, оказывают ли ему окружающие содействие – или наоборот, он достаивается в лучшем случае непонимания и насмешек. Как то было, к примеру, с великим нашим соотечественником К.Э.Циолковским, в которого, юные земляки, бывало, даже бросали комьями грязи, как в какого-нибудь юродивого. Контекст, повторим, может благоприятствовать – или препятствовать науке. Причём не нужно слишком прямолинейно воспринимать эти благоприятствующие и препятствующие обстоятельства. Когда человеку делают прививку – ему вводят в организм дозированное вредное вещество, благодаря чему вырабатывается иммунитет, укрепляется здоровье. Жизненные испытания, когда они посильны, укрепляют волю, развивают разум, содействуют становлению характера, в частности, учёного. Тогда как далеко не всякое содействие нужно оценивать как безусловную пользу: бывают в жизни ситуации, когда человека ждут не испытания, а искушения – комфортом, богатством, славой, властью. Сообщают, что когда в СССР был издан указ, запрещавший принимать в определённые вузы «классово чуждые элементы», Иван Петрович Павлов демонстративно подал заявление об уходе со службы в Ленинградской Военно-Медицинской академии, заявив при этом: «Я сам – попович...» [29, С. 208]. Известно, и что Н.Винер отказался сотрудничать с военными, «заявил о своём нежелании публиковать какую бы то ни было работу, могущую быть использованной в милитаристских целях» [28]. Хотя, строгости ради, нужно было бы отметить, что в военных целях могут быть использованы теорема Пифагора, законы физики, таблица умножения, вообще весь накопленный кладёз научного знания... Так или иначе, в отношениях к *Контексту* учёные проявляют свою *выдержку, принципиальность, неподкупность*, или, напротив, *податливость* на лесть, *готовность отступить* от своих убеждений, *продаться* новому господину.

ИНСТРУМЕНТ – средство, избираемое учёным для реализации своих целей. В рамках же предлагаемого дискурса, предметом которого выступают этические аспекты научной деятельности, в число инструментов обязательно должны попасть не только наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, эксперимент. Куда более значимы в этом смысле дискуссия, критика, ссылка на авторитет, использование административных рычагов, приёмы подковёрной борьбы, не говоря уже об упомянутом выше банальном плагиате, о фальсификациях, а также о замалчивании неудобных имён. Страшно и гадко читать о событиях середины XX века в нашей стране, когда наряду с раскулачиванием крестьянства много других дров было наворочено. Насколько можно догадываться, «стучали» на соседей в большинстве своём не замаскированные под советских граждан агенты Великобритании, Германии или Турции. А наши же граждане. Соловки, Беломорканал, дискуссии о генетике, о кибернетике, о педологии, взаимные обвинения в лженауке, дело врачей – это всё очень даже внутренняя наша история. В которой бы нужно как можно более трезво разобраться. Не для того, чтобы ошельмовать виноватых и их потомков, а чтобы минимизировать риски рецидива. Читаешь переписку Алексея Фёдоровича Лосева с женой Валентиной Михайловной (по надуманному обвинению он был приговорён к 10, а она – к 5 годам лишения свободы) – и удивляешься силе духа несправедливо репрессированных учёных. И, в частности, узнаёшь: выпущены труды Астрофизического Института, в которых принимала участие В.М., но имя её в издании не было указано [16, С. 445 – 446]. Не подлость ли?! Научная объективность, надо полагать, требует, чтобы применительно к каждому конкретному имени были охарактеризованы и плюсы, и минусы. Например, взять американского полярного исследователя Роберта Пири, которого долгие годы считали пионером-первооткрывателем, сумевшим при помощи собачьих упряжек дойти до

Северного полюса. Лишь много лет спустя выяснилось, что он не дошёл до полюса 160 км, и подделал записи в дневнике. Но ведь что-то он сделать сумел! Вот и нужно бы отметить положительное, обязательно упомянув также о факте недобросовестности. Как и в случае с Исааком Ньютоном, который получил письмо от чешского коллеги Яна Марци с описанием экспериментов: Ян Марци наблюдал за преломлением солнечных лучей в стеклянной призме, и поделился новостью с британцем. Ньютон коллеге не ответил, а спустя много лет, когда того уже не было на свете, обнародовал результаты своих (!) опытов с преломлением солнечных лучей в стеклянной призме. Скандальные истории типа достижений Пири и Ньютона подобраны в книге Бернатосьяна [6, С. 63 и др.]. Сильно надеюсь, что со временем как можно чётче будет кратко и ёмко изложена история научных открытий, полемик, с перечислением всего используемого учёными инструментария. На основании этой хронологии каждый герой и антигерой науки найдёт своё место. Главное же, что касается научного инструментария в плане этики, – в науке нужно действовать *по уму и по совести*. Реальные же типы тех, кто на большее или меньшее время находит себя в науке – понятное дело, действуют кто-то идеальным образом, кто-то только по уму, кто-то – попеременно то включая один ориентир, то другой.

СТАРАНИЯ. Где-то попадалось такое высказывание А.Эйнштейна: «Если бы я знал, что немцам не удастся создать (собрать?) атомную бомбу, я бы и пальцем не пошевелил». Очень правдоподобно! Ведь наши старания всегда оказываются следствием сложного переплетения того, что ждут, что советуют, что запрещают нам окружающие, плюс, разумеется, того, чего бы нам самим хотелось добиться, что бы хотелось предотвратить, вдобавок того, что подбрасывают нам случайные обстоятельства. Кроме того, в отличие от веса, роста, цвета глаз и количественных характеристик наших способностей бегать-прыгать-поднимать тяжести – как прикажете измерять *меру усердия* или *нерадивости*? Из рекламы слышал, что так называемый «умный браслет» фиксирует температуру, давление, пульс, число шагов, – но покуда я не встречал сообщений про подобный прибор, призванный определять, скажем, насколько старателен лектор: уважительно ли он относится к ректору, что он думает о студентах, насколько верит в то, о чём рассказывает, не сфокусированы ли все его мысли на как можно более скором перекуре. Неуклонно квантифицируемая наука даёт показатели «публикационной активности», «индекс цитируемости» – но насколько по ним можно судить о самоотдаче исследователя? Известно, что соученики-ровесники считали Фому Аквинского увальнем, называли Быком – за неторопливость и тугодумие. Но вот какой парадокс – современная машинная обработка теоретического наследия Фомы Аквинского показала, что его сочинения содержат 13 миллионов терминов [9, С. 133]. Ничего себе увальень! И где, скажите, сопоставительные характеристики успехов его более бойких ровесников? Кроме того, ни для кого не секрет, что культура – продукт коллективного творчества. Это справедливо и для материального производства, и для нововведений в технике, и для искусства, и конечно же, для науки. То есть – наши усилия складываются со стараниями наших ближайших коллег, оппонентов-конкурентов, наших предшественников. Факты подтверждают, что в библиографических описаниях всё чаще оказывается, что авторов у научной статьи не один-два, а многие десятки, сотни и даже более тысячи человек. Как прикажете оценивать усилия каждого из этого творческого коллектива? Всё, похоже, основывается на взаимном уважении и доверии, признании взаимной зависимости и пользы, на убеждённости в том, что вместе делается общее дело. А не на соображениях симпатии / антипатии. Но, рассуждая о старательности, преданности значимому делу, приходится отдавать себе отчёт и в том, насколько самая искренняя самоотдача тонкий вопрос: когда Бертрانا Рассела спросили, готов ли он умереть за свои убеждения. Подумав, тот «ответил: - Разумеется нет! Ведь, в конце концов, я могу ошибиться!» [13, С. 251-252]. В любом случае по данному параметру важно учитывать то, насколько

люди, занимающиеся наукой, *честны* прежде всего перед самими собой, и *принципиальны*.

РЕЗУЛЬТАТ в науке – очень интересная материя. Это и в том числе каждый с умом подобранный инструмент, каждое не на пустом месте сделанное обобщение-признание или опровержение. Это и приращение знания, и накопленный опыт, и полученное образование, защищённая научная степень, произнесённый доклад, опубликованная статья, написанная рецензия. Это прошедшая конференция, и внедрённый в массовое производство опытный образец, это успешно взлетевшая ракета, или, наоборот, авария во время испытаний. Ведь результаты бывают положительные и неудачные – главное для науки, чтобы все они были всесторонне и объективно осмыслены. Именно объективное осмысление позволяет понять, как это могло произойти, что (физики так говорят) ни одной монографии и даже статьи самолично не написав, Лев Давидович Ландау завоевал заслуженную славу выдающегося учёного – воспитал десятки видных физиков-теоретиков, удостоился звания академика и Нобелевского лауреата. Не буду спорить с уже упоминавшейся практикой индекса цитирования, с активностью в области разнообразных грантов. Лично для меня понятно, что с подлинной наукой гранты имеют мало пересечений. Пифагор и Спиноза грантов не получали. Насколько понимаю, можно верить Диогену Лаэртскому: Пифагор, напротив, даже щедрое угощение выставял многочисленным соседям – по поводу счастливо созданной теоремы [12, С. 335], (Это я, избави Бог, не для того, чтобы руководители науки ввели правило для заслуженных учёных – щедро выставяться. Множество вводимых «по науке» правил для управления наукой – носит, простите, чрезвычайно неубедительный характер. Но это – отдельная тема). Едва ли не самый прискорбный нынче факт – то, что при не слишком-то доказательно прописанных показателях результативности научной деятельности науку не удаётся обезопасить от многочисленных плагиаторов и от купивших научную степень. В этом тоже проявляется результат науки. Её незащитность. «Истину нельзя ниоткуда получить, её можно лишь создать» – справедливо утверждал М.К.Мамардашвили [17, С. 159]. Я бы осмелился добавить: её можно взрастить *совместно с природой*, осмысленно включаясь в реально происходящие мировые процессы. Впрочем, как и в других компонентах, нужно считаться с фактами – и понимать: для кого-то научный результат – именно купленная научная степень. Или завоёванная в нещадной борьбе должность проректора по науке. И в этой связи хотелось бы вспомнить интереснейшую затею Иоанна Дамаскина, который собирал воедино «пустословия богоненавистных ересей для того, чтобы, зная ложь, мы тем более держались истины» [7]. Объективная же оценка каждого конкретного вида научного труда, можно полагать, всего точнее определяется уже ретроспективно, с поправкой на все индивидуалистические вихляния-злонамеренности и групповые искания-заблуждения, на политические и коммерческие перехлёсты. С развитием техники всё больше надежды возникает на то, что удастся всё же создать *универсальный информационный фонд*, в котором будет с табличной наглядностью ясно показано – кто из учёных какие идеи насколько убедительно выдвигал и успешно отстаивал. И в какой степени удалось каждую находку-изобретение ввести в общечеловеческий обиход. Не исключено, что в дополнение к этой сводной гипертаблице будет открываться любознательным пользователям интернета таблица, условно говоря, «геростратов от науки» – *свод вредоносных идей и зловредных субъектов*, в борьбе с которыми развивалась и крепла подлинная наука.

ОТНОШЕНИЕ. Рассуждения по этому поводу начать хотелось бы с одного частного наблюдения. В 1993 году в Москве проходил Всемирный философский конгресс. Мне посчастливилось туда попасть. Моя секция была «№ 5, Этика», но я старательно набирался и сопутствующих впечатлений. Среди членов оргкомитета конгресса выделялся гость из Мексики, профессор Басава. Раз за разом встречая его в разных помещениях, я вспоминал один из диалогов Платона, где сообщалось, как

величественно ступал когда-то среди своих учеников Протагор, и как чинно расступались, если он поворачивал, его слушатели, не решаясь оказаться впереди него [21, С. 424 – 425]. Высокий, с массивным носом, мексиканский профессор энергично и самоуверенно ходил на разные секции, и за ним неизменно следовала свита их четырёх-пяти сопровождающих женщин. Они постоянно заглядывали в его глаза. Увы, я не знаю мексиканского языка, не читал трудов этого профессора. Не знаю поэтому, за какие персональные заслуги его ввели в оргкомитет конгресса. Но выслушав его научный доклад, я был разочарован и огорчён. Судя по всему, не один я был разочарован. Потому как в оргкомитет подготовки к следующему конгрессу профессор Басава не попал. А вспомнил я про этого человека – дай Бог ему научных достижений и заслуженного уважения – только потому, что между результатами усилий и самооценкой далеко не всегда бывает выверенная адекватная связь. Чтобы не ограничиваться североамериканским примером, рядом с ним упомяну ещё один случай. На добротной школьной конференции среди прочих докладчиков в актовом зале выступал недавно защитившийся кандидат наук. Я сидел среди рядовых слушателей, и не особо смотрел по сторонам. Но когда выступавший высокопарно произнёс: «У нас, у философов принято...», я не знал, куда провалиться. Насколько догадываюсь, писателями, философами, а даже и учителями называют не сами себя какие бы то ни было люди – а их окружающие: ученики, читатели, почитатели, потомки. Очень метко высказался некогда Грасиан: «Иные могли бы стать учёными, кабы не думали, что ими уже стали» [10, С. 40]. И ещё одно замечательное суждение по близкому поводу высказал Паскаль: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» [20, С. 374]. В целом же, понятно, если вести речь не об отдельных примерах и не о мудрых наблюдениях, то по параметру отношения учёного к своей деятельности обнаруживается широчайшая палитра вариантов, в которых сплетается одобрительное / критичное отношение не только к мотивам, к инструментам, к предмету труда, к своим стараниям – но также и позитивное или негативное отношение к тому, в какую сторону настоящая ситуация станет развиваться и какова в этом развитии предстоящая роль самого учёного, роль его ближних и дальних коллег. Иоганн Кеплер в один из моментов своей научной карьеры заявлял: «... Жребий брошен. Я написал книгу либо для современников, либо для потомков; для кого именно – мне безразлично. Пусть книга ждёт сотни лет своего читателя: ждал же сам Бог 6000 лет, пока появился свидетель» [19]. Да будет позволительно провести параллель с оркестром. Отдельно взятый трубач может с уважением относиться к дирижёру, терпимо – к валторнисту, высокомерно к барабанщику и снисходительно к тромбонисту. Музыкант может любить своё дело, но на дух не переносить какое-то отдельно взятое музыкальное произведение. Было бы наивно полагать, что в научной жизни всё проще. Нет, не проще. И в любимом деле есть не очень нравящиеся составляющие, и среди начальства-соседей-коллег обязательно отыщутся люди, к которым отношение никак не будет одинаковым. Да и эти окружающие между собой не всегда умеют и хотят ладить. То есть, на одной и той же итоговой фазе *Отношения* один и тот же человек, свободно и сознательно выбравший себе науку как профессию, может в многомерной нравственно-ценностной матрице одновременно занимать позиции уважительности и уныния, гордости и обиды, благодарности и вины, доверия и надежды и так далее. Очевидно, что в этой многомерности предпочтительны векторы *самокритичности, благоволения, ответственности*. Тогда как по факту – могут наблюдаться и непомерная (индивидуальная и групповая) заносчивость, и (индивидуальное и групповое) самоуничижение, маниакальные симптомы и ситуативный пофигизм, и мстительность, и попустительское равнодушие.

Попробуем подвести *КРАТКИЕ ИТОГИ*. Научная деятельность сама по себе многолика, и требует очень разных способностей, качеств: *внимания, вдумчивости, старательности, цепкой памяти, умения предвидеть будущее, ответственности*. Но

скажите, в какой сфере жизни эти качества не нужны? Самый обычный родитель без них не состоится. Да и ребёнку, когда он входит в мир – тоже сугубо важны перечисленные качества. Всё дело в том, что наука как специфическая сфера культуры сама по себе и требует указанных качеств, и способствует их совершенствованию. Что подтверждается реальными достижениями многочисленных настоящих наук. Перечисленные этически значимые компоненты научной деятельности – *МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ* – дали возможность обозначить на каждом из указанных компонентов множественность типов людей, занимающихся наукой. В конце концов не так важно, как конкретно они будут называться, насколько дробно будет происходить шкалирование по степени трудолюбия / лености, честности / лукавства, принципиальности / беспринципности / придиричivosti, самостоятельности / зависимости, дальновидности / недальновидности, бескорыстия / прагматизма, стойкости / непостоянства, общительности / замкнутости, самокритичности / заносчивости / самоуничижения, ответственности / безответственности. Самое важное – получить целостную картину, и дать возможность самим людям в этой картине найти-понять себя, чтобы и каждому в отдельности, и всем вместе удавалось заниматься наукой всё более по уму и по совести, совмещая саморазвитие и совершенствование всей мировой культуры.

1. Августин. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с.
2. Александров А.Д. Нет ничего прекраснее истины // Знание – сила. 1984, № 7. – С. 27 – 29.
3. Антология мировой философии, Т. 1. Часть 1. – М.: Мысль, 1969. – 576с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53 – 293.
5. Белинский В.Г. Славянский сборник. Н.В.Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845 // http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3280.shtml – обращение 24.4.21
6. Бернатосян С.Г. Воровство и обман в науке. – СПб.: Эрудит, 1998. – 383с.
7. Бронзов А.А. Святой Иоанн Дамаскин // https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/svjatoj-ioann-damaskin/ – обращение 29.4.21
8. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. – М.: Путь, 1912. – 322с.
9. Волков А.А., Хабаров И.А. Шестая мировая загадка. – М.: Сов. Россия, 1984. – 208с.
10. Грасиан Бальтасар. Карманный оракул. Критикон. – М.: Наука, 1981. – 631с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.2. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 779с.
12. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620с.
13. Знаменитые шутят: Анекдоты, весёлые были. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
14. Культура России в первой половине XIX века // www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/EPOCHS/Ep14.html – обращение 27.4.21
15. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. – М.: «Ладомир», «Наука», 1994. – 344с.
16. Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 535с.
17. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, Культура, 1992. – 415с.
18. Монтень М. Опыты: В трёх книгах. – М.: Голос, 1992.
19. Музыка небесных сфер // www.mathscinet.ru/ebook/balonin/kepler/ – обращение 26.4.21
20. Паскаль Б. Мысли. – Москва: «REFL- book», 1994. – 523с.
21. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 862с.
22. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 // publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043?index=24&rangeSize=1 – обращение 26.4.21
23. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 555с.
24. Селье Г. От мечты к открытию. – М.: Прогресс, 1987. – 368с.
25. Толковый Словарь Русского Языка // www.vedu.ru/expdic/37146/ – обращение 26.4.21
26. Физики смеются. Но смеются не только физики. – М.: Совпадение, 2006. – 319с.
27. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах: Т. 2. – СПб.: Наука, 1993. – 798с.
28. Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. – М.: Наука, 1981. – 278с.
29. Штурман, Дора. Мёртвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого. – L., Overseas publication interchange Ltb, 1982. – 560с.
30. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // www.orator.education/779-2/ – обращение 27.4.21
31. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967. – 600с.